

Сарбаш Людмила Николаевна

РЕЦЕПЦИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО ПОВОЛЖЬЯ В "БЫЛОМ И ДУМАХ" А. И. ГЕРЦЕНА

В статье анализируется рецепция российских инонациональных явлений в творчестве А. И. Герцена: общественно-социальных аспектов жизни и религиозно-мифологических верований народностей Поволжья в мемуарной эпопее "Былое и думы". Показываются социальная этнография, полиэтничность как характерные особенности российской действительности. Определяются инонациональные мифопоэтические структуры, создающиеся обращением писателя к архетипам национального сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 185-187. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

D. MEYERBEER'S OPERA "ROBERT LE DIABLE" IN RUSSIAN MUSIC CULTURE OF THE 30S OF THE XIXTH CENTURY AND P. ERSHOV'S CREATIVE WORKS

Tat'yana Pavlovna Savchenkova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Philology and Culturology
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
gkr@rambler.ru

The author considers the significance of D. Meyerbeer's opera "Robert le Diable" in the formation of the Russian musical theater in the 30s of the XIXth century, and its influence on P. P. Ershov as the author of the libretto of the opera "The Terrible Sword", where the artistic experience of the poet-storyteller is manifested as well as his aim to create national musical dramaturgy, affecting the sphere of the state ideology.

Key words and phrases: D. Meyerbeer; opera; libretto; national musical dramaturgy; P. P. Ershov.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется рецепция российских инонациональных явлений в творчестве А. И. Герцена: общественно-социальных аспектов жизни и религиозно-мифологических верований народностей Поволжья в мемуарной эпопее «Былое и думы». Показываются социальная этнография, полиэтничность как характерные особенности российской действительности. Определяются инонациональные мифопоэтические структуры, создающиеся обращением писателя к архетипам национального сознания.

Ключевые слова и фразы: рецепция; инонациональные явления Поволжья; социальная этнография; религиозно-мифологические верования.

Людмила Николаевна Сарбаш, к. филол. н., доцент
Кафедра русской литературы
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
sarbash.lu@yandex.ru

**РЕЦЕПЦИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО ПОВОЛЖЬЯ
В «БЫЛОМ И ДУМАХ» А. И. ГЕРЦЕНА[©]**

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-14-21004a/B.

Русские писатели и публицисты XIX века проявляли внимание к нерусским народам, культура и быт которых составляли духовное пространство России. В русской литературе возникает широкого плана межкультурный диалог: иноэтническая реальность, обычаи и обряды, религиозно-мифологические верования, этнопсихологические типы. Рецепция русской литературой инонациональных явлений, творческое воплощение одной национальной модели через призму другой духовно-нравственной системы координат – русской культурно-художественной традиции – одна из актуальных проблем современной литературоведческой науки. М. М. Бахтин отмечает в произведении взаимодействие культурных доминант, в процессе которого возникает новая идейно-художественная коннотация. Ученый считает, что одна национальная картина становится ярче через призму восприятия другой: видится отличие от «своей» и своеобразие «иной»: «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом...» [1, с. 354].

Рецепция как творческое воплощение иных национально-культурных доминант присутствует в творчестве А. И. Герцена. В мемуарной эпопее «Былое и думы» предстает широчайший охват российской действительности. Описывая свою поездку в ссылку в Вятку через поволжские земли и возвращение из Вятки во Владимир, писатель дает небольшие, но весьма характерные эпизоды из жизни поволжских татар, черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов), чувашей. Поволжье представляло полиэтничное пространство России, сопряжение различных национальных культур, что нашло отражение в произведении Герцена.

Социальная этнография является доминирующей при изображении инонационального: писатель касается общественно-социальных аспектов жизни нерусских народностей Поволжья. А. И. Герцен проводит мысль, что от существующей власти страдает не только русский мужик, но и инородец. Широкоупотребительное в XIX веке слово «инородец» для определения народностей нерусской национальности не заключало какого-либо оттенка негативной коннотации: это представитель другого народа, имеющий своеобычие, отличающийся от русских. В «Былом и думах» Герцен пишет, что для земской полиции «вотьяки, мордва, чуваша» –

просто «настоящий клад», так как народ этот «робкий», боящийся власти и чувствующий свою зависимость от нее: «Исправники дают двойной окуп губернаторам за назначение их в уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками» [2, с. 263]. Писатель приводит типичные случаи: приехал землемер, нашли мертвое тело – вотяки откупаются. «Землемер ли едет с поручением через вотскую деревню, он непременно в ней останавливается, берет с телеги астролябию, вбивает шест, протягивает цепь. Через час вся деревня в смятении. “Межемерия, межемерия!” – говорят мужики с тем видом, с которым в 12 году говорили: “Француз, француз!”» [Там же]. Является староста с поклоном от всего мира, просит не обидеть – не обмерить; вотяки собирают деньги, и землемер едет до следующей «вотской» деревни. Изображение инонациональных явлений дается в сравнительно-сопоставительном аспекте с этническим соседом – русскими, что предопределяется самим жизненным материалом. Писатель отмечает, что русские мужики в этом отношении оказываются «побойчее» инородцев, и приводит аналогичный случай в большой русской деревне: исправник, «разохотившийся брать выкупы», требовал двести рублей, а мир давал ему только сто. Так и не договорившись, мужики заперли исправника с двумя писарями в избе, обложили ее соломой и грозились сжечь, но последние не поверили этой угрозе, которую мужики привели в исполнение: «...все три Муция Сцевола земской полиции сгорели. Дело это было потом в сенате» [Там же, с. 264]. Интегративный подход к изображению действительности, акцентирование в ней социально-общественных аспектов – характерное качество художественной эпопеи А. И. Герцена.

В «Былом и думам» писатель описывает «вотские» деревни, которые беднее русских: вотяки берегут деньги на черный день, который ассоциируется у них с приездом станового и священника. Автобиографический герой передает свой разговор с хозяином постоялого двора. Вотяк живет плохо, его изба черная и покосившаяся; узнав, что с ним беседует не облеченный властью человек, не начальник, вотяк отвечает правдиво и искренне: «Что, бачка, делать? Мы бедна, деньга бережем на черная дня». – «Ну, чернее мудрено быть дню, старинушка...» – «Черной дня, когда исправник да поп приедут» [Там же]. Служитель церкви определяется Герценом как «духовный сыщик». Писатель дает краткую историческую справку о христианизации поволжских народов: финское население частично приняло крещение в допетровские времена, «долею» было окрещено в царствование Елизаветы, частично осталось в язычестве. Однако крещенные тайно придерживаются «своей печальной, дикой религии», чем и пользуется, по мнению автора «Былого и дум», церковь: «Года через два-три исправник или становой отправляются с попом по деревням ревизовать, кто из вотяков говел, кто нет и почему. Их теснят, сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы; а главное, поп и исправник ищут какое-нибудь доказательство, что вотяки не оставили своих прежних обрядов. Тут духовный сыщик и земский миссионер поднимают бурю, берут огромный окуп, делают “черная дня”» [Там же, с. 265]. Писатель в диалогической сценке лексически выделяет речь нерусского человека – «бачка» (искаженное русское «батюшка»), «черная дня», вводя последнее словосочетание в авторский рассказ в качестве убедительного жизненного аргумента.

В рецепции инонационального важными являются эпизоды крещения черемисов священником Курбановским, которые описываются в ироническом контексте. Обращение в христианство происходит с помощью исправника, «правовверного магометанина» Девлет-Кильдеева, за что «апостол-татарин» был награжден Владимирским крестом. Писатель отмечает достоверность этого эпизода, сообщая, что о «блестящем обращении» черемисов в христианскую веру он впоследствии читал в статье журнала министерства внутренних дел, в которой было упомянуто «ревностное содействие» Девлет-Кильдеева. Писатель дает и оценку этого публикуемого факта: «По несчастью, забыли прибавить, – иронизирует он, – что усердие к церкви было тем более бескорыстно у него, чем тверже он верил в ислаимзм» [Там же, с. 266]. А. И. Герцен касается в своем произведении исторических событий, которые произошли в 1829–1830 гг.: непосредственным поводом для крещения послужило совершение обряда жертвоприношения в Сернурской волости 3 декабря 1828 года, на котором присутствовало до трех тысяч крещеных и некрещеных черемисов. Об этом сообщалось в сборнике материалов «Столетие Вятской губернии» [4, с. 535–557]. А. И. Герцен квалифицирует обращение инородцев в православие как «тип всех великих улучшений», делаемых правительством: «фасад, декорация, blague, ложь, пышный отчет»; замечая, что при этом «кто-нибудь крадет и кого-нибудь секут» [2, с. 265]. Эксплицитная авторская оценка, ироническая тональность повествования сопровождают описание крещения: «втеснить благодать божию черемисам», «доля Кирилла и Мефодия не удастся», «поехал осажать черемисов словом божиим» [Там же, с. 265, 266].

В «Былом и думам» А. И. Герцен касается религиозных верований вотяков: в произведении обозначены инонациональные мифопоэтические структуры. По мнению писателя, языческие молитвы вотяков имеют «материальный» характер и сводятся к просьбе «о продолжении рода, об урожае, о сохранении стада». Герцен приводит молитву, обращенную к главному богу «финского населения» - Юме: «“Дай, Юмала, чтоб от одного барана родилось два, от одного зерна родилось пять, чтоб у моих детей были дети”. В этой неуверенности в земной жизни и хлебе насущном есть что-то отжившее, подавленное, несчастное и печальное» [Там же, с. 265]. А. И. Герцен при описании религиозно-мифологических верований обращается к одному из важнейших архетипов национального сознания – вере во всемогущего языческого бога. Вятский литератор А. Емичев в заметке «Мифология вотяков и черемис», напечатанной в пушкинском «Современнике» за 1836 год, приводит образцы молитв-обращений черемисов к Юме, которые совпадают с наблюдениями Герцена. Молитвы, по сообщению Емичева, взяты из «достоверного списка» и замечательны по своей «простоте и чувственным желаниям»: «Великий, древний бог! Тебе народ усердствует ныне молением: привел

скота, принес хлеба, пива, меду и собрался пред твоим деревом. Возьми все это и прими милостиво»; «Боже! Дай помощь в жизни народу твоему: дай скота, после скота хлеба, после хлеба пчел, после пчел просим денег на оплачивание податей Государю... Услышь милостиво» [3, с. 187]. А. И. Герцен также отмечает, что наравне с добрым богом вотяками почитается злой – «диавол». В «Былом и думах» описывается пожар, случившийся в русско-вотяцкой деревне; указывается на покорность вотяков судьбе, увидевших в пожаре проявление силы «шайтана»: «Русские таскали вещи, кричали и хлопотали – особенно между ними отличался целовальник. Пожар остановить было невозможно; но спасти кое-что было сначала легко. Вотяки собрались на небольшой холмик и плакали навзрыд, ничего не делая» [2, с. 265]. Писатель вводит этнокультурные константы, которые отражают народное мирозерцание, религиозно-мифологические верования. В широком изображении русской жизни «былое» – это и увиденное в ней «иноэтничное». В мемуарной эпопее писатель формулирует свою творческую установку как отражение истории в человеке, «случайно попавшемся» на ее дороге. Жизнь и верования вотяков – это тоже воплощение истории, исторической национально-культурной динамики жизни.

Писатель неизменно отмечает в повествовании нерусские инонациональные реалии Поволжья: в Казани писателю бросается в глаза удивительное соединение христианского и мусульманского в облике города – соседство «правоверных» мечетей с православными церквями. Выделяются специфические этнические приметы жизни: татарки «с покрытыми лицами», неизменно в сопровождении «скуластых» мужей. Реалии Казани напоминают А. Герцену Азию, Восток: «Во Владимире, Нижнем подозревается близость к Москве, здесь – даль от нее» [Там же, с. 225]. Герцен отмечает полиэтничность российской жизни как ее характерное качество.

Описание поездки в Вятку, пребывание в ней и переезд во Владимир – это, по определению автора «Былого и дум», «практическое соприкосновение с жизнью», которое начинается возле Уральского хребта, в Перми: «Из детской я перешел в аудиторию, из аудитории – в дружеский кружок, – теории, мечты, свои люди, никаких деловых отношений...» [Там же, с. 226]. И в этом реальном общении с большим миром жизни открывается для героя «Былого и дум» многонациональная российская действительность: встреча с ссыльными поляками; еврейскими детьми, которых «гонит» в Казань для набора во флот офицер-добряк; татарин-перевозчиком под Казанью; с неграмотными вотяками-смотрителями, ориентирующимися на количество печатей в подорожной; черемисскими мальчиками; ямщиком-вотяком, поющим песню и искренне беседующим с ездоком о своей жизни.

Социально-общественный ракурс в изображении инонационального не «лишает» его описание этнографического элемента, который, хотя и «скупо», но присутствует в повествовании. Писатель отмечает «шитые рубашки» черемисских мальчиков – национальную рубаху туникообразного покроя, неизменно украшенную вышивкой; увиденный убийца-черемис – с «восточным» лицом, узенькими глазами и черными волосами; в Козьмодемьянске повозка заложена по-русски – «тройка в ряд, одна в корню, две на пристяжке», до этого, в Перми и Вятке, лошадей закладывали по местному обыкновению – «гуськом» [Там же, с. 301]. Степень этнографической выраженности инонационального обуславливается жанровыми формами воплощения: в жанре эпопеи доминантой является констатирующая социальная характеристика. В подробном этническом выражении «нерусское» представит в этнографических заметках писателя «Вотяки и черемисы», предметом изображения которых является инонациональная религиозно-культурная традиция.

Обращение к инонациональному в «Былом и думах» значительно расширяет границы повествования, утверждая полиэтничность как характерную черту российской действительности. В жанровую форму историко-мемуарной эпопеи инонациональная социальная характеристика, «скупые» этнографические детали вносят особую широту исторического охвата российского мира.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: АН СССР, 1956. Т. 8. 518 с.
3. Емичев А. Мифология вотяков и черемис // Современник. 1836. Т. 2. С. 180-188.
4. Столетие Вятской губернии: сб. материалов к истории Вятского края. Вятка: Тип. губернского правления, 1881. Т. 2. С. 535-557.

FOREIGN VOLGA REGION RECEPTION IN A. I. GERTSEN'S "MY PAST AND THOUGHTS"

Lyudmila Nikolaevna Sarbash, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Russian Literature
Chuvash State University named after I. N. Ul'yanov
sarbash.lu@yandex.ru

The author analyzes the reception of Russian foreign phenomena in A. I. Gertsen's creative works: the public-social aspects of life and the religious-mythological beliefs of Volga region peoples in the memoir epopee "My Past and Thoughts", shows social ethnography and poly-ethnicity as the characteristic peculiarities of the Russian reality, and determines foreign mythopoetical structures, which are created by the writer's address to national consciousness archetypes.

Key words and phrases: reception; foreign phenomena of Volga region; social ethnography; religious-mythological beliefs.